

Новосибирский государственный технический университет
пр. К. Маркса, 20, Новосибирск, 630092, Россия
E-mail: philos@fgo.nstu.ru

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИИ ТРАКТОВОК СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ «ЗНАЧЕНИЕ» И «РЕФЕРЕНЦИЯ» В ТЕОРИИ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ

Данная статья посвящена анализу различных трактовок содержания понятий «значение» и «референция» в теории знаковых систем. На основании анализа делается вывод о том, что теория референции Х. Патнэма, теория «языковых игр» Л. Витгенштейна и семиотика Ч. Пирса, несмотря на все методологические различия, в целом схоже трактуют понятия значения и референции, стремясь преодолеть в них «менталистский» элемент. Значение знака толкуется как способ его употребления и интерпретации.

Ключевые слова: знак, значение, референция, смысл, интерпретант, обозначение.

Как отмечает У. Эко, в последнее время многие теоретики семиотики отказались от попыток изучать *значение*, подставив вместо этого понятия понятие *референт* [Эко, 2005]. Резон заключается в том, что если хочешь четко различать содержание выражения и возможный объект этого выражения, то рискуешь попасть в путы ментализма или психологизма. Со времен Декарта и Локка философы, как правило, придерживались той точки зрения, что слова и выражения нашего языка являются знаками идей и используются прежде всего для выражения наших мыслей. Г. Фреге положил конец такому пониманию языка, провозгласив, что наши слова служат для обозначения объектов в реальности, а не идей в нашем сознании. Основной функцией языка, с его точки зрения, является вычленение предметов в окружающем нас мире с тем, чтобы высказывать о них истинные утверждения. Поместив на место ментальных образов предметы окружающего мира, Фреге, однако же, не полностью изгнал идеи из теории значения. Так, согласно Фреге, значение слова представляет собой двухкомпонентное образование: слово обозначает некоторый объект и выражает некоторый смысл (или идею), т. е. то, что мы мысленно схватываем, когда понимаем слово.

Под «знаком» Фреге понимает «любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), но не понятие и не отношение» [Фреге, 1997. С. 26].

В знаке выделяются две составляющих: смысл и значение. «...некоторый знак (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в связи с обозначаемым, которое можно было бы назвать значением знака, но также и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ данности» [Там же]. Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов или иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение Фреге называет именем собственным.

По его мнению, смысл имени собственного будет понятен каждому, кто в достаточной степени владеет языком или совокупностью обозначений, к которым оно принадлежит; однако значение имен, если таковое имеется, освещается при этом лишь с одной стороны. Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, – определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Правда, встречаются исключения из этой правильной связи. Разумеется, в совершенной совокупности знаков каждому выражению должен соответствовать лишь один определенный смысл, однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию. Таким образом, даже если понимается некоторый смысл, это еще не обеспечивает наличие значения.

Когда слово употребляют обычным образом, тогда то, о чем хотят сказать, является его значением. Но иногда хотят сказать что-либо о самих словах или об их смысле. Такое случается, например, когда мы передаем чужие слова посредством прямой речи. Тогда произносимые нами слова обозначают прежде всего слова другого человека, и только эти последние имеют обычное значение. В этом случае мы имеем дело со знаками знаков, т. е. со смыслом [Там же].

Это понятие «смысла» и образует тот «менталистский» элемент, который позволил ряду современных философов отнести теорию значения Фреге к картезианской «менталистской» традиции. Этот менталистский элемент еще более усилен постулатом Фреге о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или, в современной терминологии, его референцию. Это следует понимать так, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, т. е. смысл задает «путь» к референту, позволяет соотнести слово с определенным элементом мира. Своей семантической концепцией Фреге во многом задал парадигму всех последующих рассуждений о значении в рамках аналитической философии.

Большое внимание теории референции уделяет также Б. Рассел. В своей статье «Об обозначении» («On Denoting») Рассел вводит понятие «обозначающей фразы», под которой он понимает следующие фразы: человек, некоторый человек, любой человек, каждый человек, все люди, обращение Земли вокруг Солнца, центр масс Солнечной системы в первый момент двадцатого века и т. д. Такие фразы являются означающими исключительно в силу своей формы. Рассел выделяет три типа таких фраз: 1) фраза может быть обозначающей и все же ничего не обозначать; 2) фраза может обозначать определенный объект; 3) фраза может иметь двусмысленное значение [Russell, 1996].

Рассматривая теорию значения Фреге, Рассел признает, что его выделение в обозначающих фразах двух элементов – смысла (meaning) и значения (denotation) в целом продуктивно, так как позволяет избежать нарушения закона противоречия.

Тем не менее он отмечает, что принятие точки зрения о том, что обозначающая фраза выражает смысл и обозначает значение,

приводит к определенным трудностям в тех случаях, когда значение отсутствует. Может показаться, что такого рода суждения абсурдны. На самом деле они таковыми не являются в силу того, что их исходные гипотезы являются ложными. Таким образом, по мнению Рассела, если мы признаем, что обозначающие фразы имеют две стороны – смысл и значение, случаи, в которых, как кажется, значение отсутствует, вызывают трудности как в принятии того, что значение действительно присутствует, так и в принятии того, что оно отсутствует [Ibid.].

В то же время в развитии философии языка после Фреге просматривается отчетливая тенденция избавиться от понятия смысла и, таким образом, довести до конца дело, начатое им. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что понятие «смысла» не поддается выражению в формальном виде и его трудно анализировать логико-математическими методами. Итак, содержанием выражения оказывается то, что «странствует» в голове интерпретатора, получившего (т. е. воспринявшего) данное выражение. Именно потому, что за подобным «странствованием» невозможно уследить, некоторые теоретики предпочли не иметь дело со *значением*. Но единственными альтернативами были или замена *значения* соответствующим состоянием мира (строго экстенциональная интерпретация согласно «новой теории референции»), или сведение *значения* к поведению, вызываемому знаком (согласно позднему Ч. Моррису). Однако поскольку есть выражения, *значение* которых никак нельзя усмотреть через наблюдаемое поведение, бихевиористский критерий представляется весьма неудовлетворительным [Эко, 2005].

Как отмечает российский исследователь творчества Х. Патнэма Л. Б. Макеева [1996], сторонники новой теории референции отталкиваются от традиционной теории значения, которая восходит к идеям Фреге и Рассела. При формулировке традиционной теории обычно используются не предложенные Фреге понятия смысла и предметного значения, а синонимичные им понятия интенционала и экстенционала, введенные Карнапом. Помимо тезисов Фреге о двух компонентах значения и об определении экстенционала интенционалом традиционная теория, по мнению сторонников новой теории референции, содержит также поло-

жение о том, что смысл (или интенционал) языкового выражения представляет собой множество дескрипций свойств и характеристик, которые присущи обозначаемому им объекту (или объектам). Это положение восходит к теории дескрипций Рассела, согласно которой даже обычное имя собственное является «скрытой» или «сокращенной» дескрипцией. Очень важную роль в традиционной теории значения играет понятие аналитической истины, которое позволяет описать механизм установления референции. Предложение считается аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. Если Р – свойство, входящее в интенционал термина Т, то утверждение «Все Т есть Р» является аналитически истинным, а в соответствии с традиционной трактовкой аналитической истины оно является априорным и необходимым. Отсюда следует, что обладание характеристиками, включенными в интенционал термина, образует необходимое и достаточное условие для отнесения объекта к экстенционалу данного термина

Представитель новой теории референции Х. Патнэм выдвигает два основных аргумента против традиционной трактовки значения общих терминов. Первый аргумент, согласно которому неудовлетворительность традиционного понимания значения общих терминов станет совершенно очевидной, если попытаться определить в традиционном духе значение какого-нибудь термина естественного вида. При традиционном подходе значение термина формулируется в виде дескрипции и предполагается, что любой объект, обладающий перечисленными свойствами, является данным объектом. Неадекватность такой трактовки Патнэм видит в том, что естественный вид могут иметь аномальные члены, которые не удовлетворяют соответствующей конъюнкции свойств, но тем не менее принадлежат к данному естественному виду. Другая трудность, с которой сталкивается традиционная теория, состоит в невозможности указать такую конъюнкцию свойств, которая позволила бы выделить естественный вид единственным образом. Никогда нет гарантии, по мнению Патнэма, что не будет обнаружено такое вещество или животное, которое полностью удовлетворяет дескрипции свойств соответствующего естественного вида, но

которое тем не менее в силу своей внутренней природы не принадлежит данному виду [Патнэм, 1982].

Итак, основная идея этого аргумента состоит в следующем: ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал термина естественного вида, не годится для аналитического определения этого вида, поскольку согласно традиционному истолкованию аналитической истины она должна быть априорной и необходимой, а ни одно из указанных свойств нельзя считать необходимым, так как принадлежность объекта к некоторому естественному виду может не зависеть от обладания этими свойствами.

Второй аргумент Патнэма против традиционной теории значения поднимает более глубокий пласт проблем. Согласно этому аргументу традиционная теория значения опирается на два допущения, которые не могут быть одновременно истинны. Первое допущение устанавливает, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психическом) состоянии. Это допущение лежит в основе характерного для традиционной теории отождествления интенционала (или смысла) с концептом и в признании того, что концепты должны каким-то образом опосредоваться ментальными репрезентациями. Второе допущение связано с тем фактом, что интенционал слова определяет его экстенционал, в том смысле, что интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Если принять указанные допущения, то нужно признать, что «происходящее в нашей голове» должно детерминировать то, на что указывают наши слова. Однако, считает Патнэм, ментальное состояние не может определять экстенционал термина.

Патнэм рассуждает следующим образом. Согласно традиционной теории значения человек понимает некоторое слово, если усвоил его смысл. Но учитывая, что смысл слова часто представляет собой довольно сложную совокупность информации, следует признать, что очень небольшое число людей владеет смыслами и, следовательно, понимает слова. Тогда огромное большинство носителей языка можно было бы обвинить в том, что они не понимают те слова, которые используют. Но такое предположение, по мнению Патнэма, является абсурдным, поскольку для того, чтобы понимать и

использовать слово, совсем необязательно в полном объеме знать «фрегевский» смысл слова. Вполне достаточно, считает Патнэм, положиться на экспертов, которые владеют этим смыслом, а кроме того, владеют методом распознавания объекта и благодаря которым этим методом владеет весь языковой коллектив. Из этого следует, что в лингвистическом сообществе существует разделение труда, связанное со знанием и использованием разных аспектов «значения» слов и опирающееся на обычное разделение труда. Вследствие этого лингвистического разделения труда к определению референции терминов естественных видов имеют отношение не обрывочные и неполные «смыслы», локализованные в головах отдельных людей, а та детальная информация и методы распознавания, которыми владеют эксперты.

Наряду с разделением лингвистического труда Патнэм указывает второй фактор, который, по его мнению, играет наиболее важную роль в установлении референции терминов естественных видов. Этот фактор состоит в том, что экстенционал термина естественного вида «частично устанавливается внешним миром». В основе этого утверждения лежит допущение, что любой естественный вид (будь то биологический вид, природное вещество или физическая величина) предполагает наличие у его членов общей внутренней природы (или сущности), выражающейся в общей внутренней структуре, общих существенных свойствах или общих объективных законах, управляющих поведением или развитием членов данного естественного вида. Человек познает эту внутреннюю природу естественных видов в ходе развития науки, поэтому, по мнению Патнэма, «в определении экстенционала парадигмы и исследовательские программы, открывающие законы (или повышающие точность имеющихся законов), занимают место, которое ранее отводилось жестко сформулированным необходимым и достаточным условиям» [Патнэм, 1982. С. 384].

Новое решение, предлагаемое Патнэмом, уже полностью в духе Витгенштейна. Согласно этому решению значение лингвистических выражений является тем, что *показывает себя* в наших словах и предложениях. Когда мы слышим или читаем слова и предложения, мы не воспринимаем их как

простые «звуки и знаки», в которые должно быть «вставлено» значение, находящееся вне их и присутствующее в нашем сознании как некая «ментальная сущность». Мы воспринимаем значение в самих словах и предложениях, но отсюда не следует, считает Патнэм, что значение присуще им от природы. Наши слова и предложения обладают значением потому, что имеет место определенная «техника употребления», благодаря которой значение *показывает свое лицо* в них. Одна деятельность может *показывать* себя в другой благодаря тому, что все виды человеческой деятельности тесно увязаны друг с другом, образуя сложную и разветвленную систему. Поэтому и мышление – это не отдельно стоящая деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности. Оно вплетено в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических.

Таким образом, новая теория референции тесно смыкается с теорией языковых игр Л. Витгенштейна. Под *языковыми играми* понимаются модели (образцы, типы) *работы* языка, его варьируемых функций. Подобно всяким моделям, предназначенным для прояснения усложненного, непонятного, «языковые игры» выступают в концепции Витгенштейна прежде всего как *простейшие* или *упрощенные* способы употребления языка, дающие ключ к пониманию более зрелых и нередко неузнаваемо видоизмененных случаев. «Языковые игры – это более простые способы употребления знаков, чем те, какими мы применяем знаки нашего в высшей степени сложного повседневного языка» [Витгенштейн, 1985. С. 46].

Идея языковой игры предполагает, что язык – явление в *принципе* нестатичное, что он – подобно исполнению музыки, сценическому действию, спортивным и иным играм – динамичен по самой своей природе, живет лишь в действии, деянии, в практике коммуникации. Витгенштейн подчеркивал: знаки как нечто «вещественное» – в звуковом, письменном, печатном виде – мертвы, но это не значит, что к ним, дабы вдохнуть в них жизнь, нужно добавить что-то принципиально иное по сравнению с материальным – нечто сугубо *духовное*. Это старое затруднение Витгенштейн разрешает посвоему: жизнь знаку дает его применение. А таковое, понятно, предполагает реальную *жизнь* языка или языковую *игру*. Толкова-

ние значения знака как способа его *употребления* и принцип языковых *игр* – аспекты по сути единой позиции.

Теория языковых игр Л. Витгенштейна связана с теорией интерпретантов Ч. С. Пирса. Комментируя Пирса, У. Эко подчеркивает, что значение есть, в своем первичном понимании, перевод знака в другую систему знаков, а значение данного знака есть тот знак, в который данный знак должен быть переведен. Таким образом, интерпретация посредством интерпретантов – это способ, которым знак манифестируется (проявляется) как значение.

Интерпретант – это то, что знак порождает в интерпретаторе, но, поскольку наличие интерпретатора не входит существенной частью в определение интерпретанта, этот последний должен рассматриваться прежде всего как интерпретант, открывающийся в правильном понимании самого знака и обычно называемый *значением* (the meaning) знака [Эко, 2005].

Итак, различаясь как формальные объекты различных семиотических подходов и как рассматриваемые с различных точек зрения, значение и интерпретант – это, по сути дела, одно и то же, поскольку невозможно определить значение иначе, чем как ряд интерпретантов.

Таким образом, всякий знак интерпретирует другой знак, и основное (базовое) условие семиозиса – это именно отсылка от одного знака к другому, *бесконечная регрессия*. При таком подходе всякий интерпретант данного знака, будучи в свою очередь также знаком, становится временным мета-семиотическим конструктом, выступающим (именно и только в данном случае) в качестве определителя по отношению к интерпретируемому определяемому, и, в свою очередь, может быть интерпретируемым другим знаком, который выступит по отношению к нему в качестве интерпретанта.

Бесконечность этого ряда, однако, могла бы сделать семантическую энциклопедию неосуществимой, вновь и вновь лишая попытки семантического анализа всякой надежды на успешное завершение. Но, по мнению У. Эко, у энциклопедии есть логический предел, сама она не может быть бесконечной: этот предел – *универсум дискурса* [Там же].

Неограниченный универсум охватил бы всю область логически возможного. Наш дискурс редко соотносится с этим неогра-

ниченным универсумом: мы имеем в виду или физически возможное, или исторически существующее, или мир какого-нибудь художественного вымысла, или еще какой-нибудь ограниченный универсум.

Понятие *универсум дискурса* наряду с понятием *возможный мир* связывает проблему семантической репрезентации с проблемой контекстуальных предпочтений.

Рассматриваемый в этой перспективе круг семиозиса замыкается в каждый миг – и не замыкается никогда. Система семиотических (знаковых, кодовых) систем, которая может показаться нереальным миром культуры, идеалистически отделенным от действительности, на самом деле побуждает людей воздействовать на мир; и каждое такое преобразующее мир воздействие, в свою очередь, всегда и непременно само превращается в новые знаки и кладет начало новому процессу семиозиса.

Знак, вызывая ряд непосредственных реакций (энергетических интерпретантов), постепенно создает некую *привычку*, некую регулярность поведения у интерпретатора (или пользователя) этого знака. Иными словами, соотношение между значением и репрезентантом приобретает форму закона (закономерности); с другой стороны, понимать знак значит (понимать и) знать, что надо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак.

Знак может произвести интерпретанты двух видов: интерпретант эмоциональный и интерпретант энергетический. При этом энергетическая реакция сама не требует интерпретации; скорее она создает (очевидно, при дальнейших повторениях) новую привычку. Иначе говоря, восприняв ряд знаков (и по-разному проинтерпретировав их), мы изменяем наше поведение, нашу деятельность в мире – навсегда или на время. В этой точке неограниченный семиозис приостанавливается (именно приостанавливается: остановка не конечна во временном, хронологическом смысле, потому что вся наша обыденная жизнь пронизана такими изменениями привычек). Обмен знаками приводит к изменению опыта; отсутствующее звено между семиозисом и физической реальностью как практическим действием найдено.

Понимать знак как правило (которое объясняется посредством ряда интерпретан-

тов данного знака) – это значит приобрести привычку действовать согласно предписанию, исходящему от данного знака [Эко, 2005].

Таким образом, действие, повторно совершаемое в ответ на данный знак, становится, в свою очередь, новым знаком, репрезентативом закона, интерпретирующим первый знак и кладущим начало новому и нескончаемому процессу интерпретации.

Следовательно, новая теория референции Х. Патнэма, теория языковых игр Л. Витгенштейна и семиотика Ч. Пирса, несмотря на все методологические различия, в целом схоже трактуют понятия значения и референции, стремясь преодолеть в них «менталистский» элемент. По мнению У. Эко, понятие «интерпретант» спасает категорию «значение» от превращения в неуловимую платоновскую абстракцию или в неуследи́мый ментальный акт [Там же]. Поскольку интерпретант отождествляется с любым закодированным и осознаваемым свойством содержания, а эти свойства могут быть идентифицированы лишь в виде других знаков, элементы значения становятся чем-то физически проверяемым. Каждая данная культура в любой сфере своей жизнедеятельности обнаруживает устоявшиеся соотношения между разными выражениями, так

что каждый из них в свой черед становится интерпретантом другого.

Таким образом, анализ значения становится культурно-обусловленной операцией, которая осуществляется лишь с физически проверяемыми объектами культуры, т. е. с другими знаками и их возможными корреляциями.

Список литературы

Витгенштейн Л. Из «Философских исследований» // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 26: Лингвистическая прагматика. С. 32–54.

Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М., 1996. 190 с.

Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 374–392.

Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 26–43.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Изд-во РГГУ, 2005.

Russel B. On Denoting // The Philosophy of Language. 3 ed. / Ed. by A. P. Martinich. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. P. 112–126.

Материал поступил в редколлегию 12.09.2008

V. G. Novoselov

To the Question on Distinction of Treatments of the Content of Concepts «Denotation» and «Reference» in the Theory of Sign Systems

This article is devoted the analysis of various treatments of the content of concepts «denotation» and «reference» in the theory of sign systems. On the basis of the analysis the conclusion that the theory of reference by H. Putnam, the theory of «language games» by L. Wittgenstein and Ch. Peirce's semiotics, despite all methodological distinctions, as a whole is similar becomes treat concepts of denotation and reference aspiring to overcome in them a «mentalist» element. Denotation of a sign is interpreted as a way of its use and interpretation.

Keywords: sign, denotation, reference, meaning, interpretant, denoting, signification.